

Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала



Дарья Юрьевна

АГАФОНОВА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru

ORCID: 0009-0008-1848-1646; ResearcherID: HTL-2176-2023



Гульнара Фатыховна

РОМАШКИНА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики и ресурсов волонтерской деятельности в России за период 2016–2024 гг. Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к волонтерству, особенно в период пандемии COVID-19, а также активной государственной поддержкой, включая федеральный проект «Социальная активность». Цель работы – изучить вовлеченность граждан в добровольческую деятельность и выделить основные ресурсы ее развития, учитывая демографические и социальные изменения. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе волонтерства через призму ресурсного подхода, включая социальный капитал. Показана трансформация форм волонтерства от традиционных к цифровым и эпизодическим, что отличает работу от предыдущих исследований. Особое внимание уделено гендерному и территориальному дисбалансам. Методика включает анализ результатов обследо-

Для цитирования: Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. (2025). Современный этап развития волонтерства в России: динамика и ресурсы социального капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 236–252. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.13

For citation: Agafonova D.Yu., Romashkina G.F. (2025). Volunteering at the modern stage of its development in Russia: Dynamics and resources of social capital. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 236–252. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.13

вания рабочей силы Росстата (2016–2024 гг.) и социологического исследования в Тюменской области (N = 1430). Применены методы структурно-динамического анализа, кластеризации, а также статистические критерии (χ^2 , t-критерий Стьюдента). Численность волонтеров в России выросла втрое, несмотря на сокращение населения. Преобладают такие виды деятельности, как фандрайзинг, социальная помощь и помощь животным, но охват их не превышает 3% населения. Выявлен гендерный перекоп: женщины составляют 72% от числа волонтеров и тратят больше времени на добровольчество. Социальный капитал (доверие, членство в организациях) значительно влияет на вовлеченность. Ограничения исследования связаны с неполной репрезентативностью данных и преобладанием государственных источников. Перспективы дальнейших исследований включают изучение мотивации мужчин, эффективности цифровых форматов волонтерства и разработку программ для молодежи и пенсионеров.

Ключевые слова: волонтерство, социальный капитал, динамика, ресурсы, гендерный дисбаланс.

Введение

Многочисленные наблюдения и статистические данные последних десятилетий демонстрируют неуклонный рост интереса к волонтерству в России, что обычно связывают с активизацией волонтерства в период пандемии, развитием цифровых способов вовлечения в эту деятельность. Государственные инициативы, такие как объявление 2018 Годом добровольца¹, реализация федерального проекта «Социальная активность»² в 2019–2024 гг., способствовали повышению узнаваемости волонтерской деятельности в общественном мнении. По данным Минпросвещения РФ, только в 2020 году было организовано 320 новых волонтерских центров, 2,5 млн человек приняли участие в акции «МыВместе»³. Согласно тем же источникам, к 2025 году более 7,4 млн человек используют информационную систему развития добровольчества, всего 13% граждан РФ вовлечены в добровольческую деятельность центрами (сообществами, объединениями) поддержки волонтерства. Также отмечается, что среди компаний с госучастием рост волонтерства превысил 40% в год⁴. Крупные компании стараются освещать проявление своего внимания к волонтерской деятельности, но содержание таких публикаций носит скорее рекламный характер в ущерб объективной аналитике. Эти данные вступают в некоторое противоречие с результатами

массовых обследований трудовой силы, проводимых Росстатом ежегодно с 2006 года, итогами исследований российских ученых. Однако и сами ученые не достигли консенсуса в части выявления объемов волонтерской активности в России. Данное противоречие и определило постановку проблемы и научных задач нашего исследования.

В целом подавляющее большинство российских граждан одобряют такую деятельность. Однако ответ на вопрос об их вовлечении в практики волонтерства не так позитивен. В открытом доступе имеется обширная база обследований рабочей силы (ОРС) Росстата, результаты социологических исследований, в которых были заданы вопросы об участии респондентов в добровольческой деятельности. Представляется важным провести анализ данных о ресурсах участия граждан России в добровольческой деятельности, так как это позволяет оценить потенциал социальной мобилизации населения.

Задачи исследования: 1) оценить уровень и динамику вовлеченности россиян в волонтерскую деятельность в 2016–2024 гг. с учетом социально-демографических характеристик; 2) выделить значимые ресурсы развития волонтерства в условиях меняющейся демографической структуры.

¹ О проведении в Российской Федерации Года добровольца: Указ Президента РФ от 06.12.2017 № 583. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 04.03.2025).

² Социальная активность: Федеральный проект // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/soc_activity (дата обращения 19.05.2025).

³ МыВместе // Официальный сайт проекта. URL: <https://мывместе.рф> (дата обращения 19.05.2025).

⁴ Корпоративное волонтерство стало формой инвестиций в бренд российских компаний // Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/economics/65246351> (дата обращения 12.03.2025).

Анализ научных источников

Исторически волонтерство изучалось скорее в зарубежной, чем в русскоязычной литературе. Кроме того, очевидное отставание развития системы поддержки такой деятельности в современной России требует исследования международного опыта. В одной из классических работ Р. Кнаан и соавторов выделены четыре ключевых признака волонтерства: добровольность участия (свобода выбора, отсутствие принуждения, личная мотивация), отсутствие или минимальность вознаграждения, контекст деятельности (формальный и неформальный), а также характер бенефициаров (от помощи незнакомцам до участия в группах самопомощи, где сам доброволец также является выгодополучателем) (Snaap et al., 1996). В таком определении волонтерство выступает одним из видов экономической деятельности и варьируется от строгой альтруистической деятельности без вознаграждения до более гибких форм, включая самопомощь и поддержку близких. Феноменологически волонтерство рассматривается как осознанное и спланированное действие, предполагающее предварительное обдумывание, долгосрочность и организованную форму помощи (Wilson, 2000; Penner, 2004).

М.Л. Саламон и соавторы заметили, что, несмотря на осуществление деятельности в свободное время и без денежного вознаграждения, волонтерство является формой работы, приносящей как материальные, так и нематериальные выгоды не только получателям помощи, но и самим волонтерам (Salamon et al., 2003, p. 222). Волонтерская деятельность часто мотивируется чувством личного, культурного, религиозного или нравственного долга и определяется такими личностными чертами, как альтруизм, потребность в обучении и ориентация на настоящее, но не потребностью в активности. Она также обусловлена рядом функциональных мотивов, включая помощь другим, обучение, социальные связи, самоутверждение, карьерный рост и самозащиту (Mowen, Sujan, 2015). Начало 2000-х гг. отмечено переходом от коллективного к рефлексивному стилю волонтерства (Hustinx, Lammertyn, 2003). Если первый характеризуется стабильностью, долгосрочной вовлеченностью лю-

дей в волонтерскую деятельность, то второй отражает индивидуализированный, гибкий подход, основанный на личных интересах и стремлении к самореализации. Современный стиль волонтерства приобретает спорадический и фрагментарный характер: участие всё чаще носит временный, проектный формат с акцентом на видимые результаты и свободу выбора задач. Онтология волонтерства, как добровольной, осознанной и длительной помощи, осуществляемой без ожидания вознаграждения, часто в рамках официальных организаций и направленной на благо других, опирается на организационные и личностные ресурсы (Snyder, Omoto, 2008, p. 3).

В российской научной традиции волонтерство рассматривается как социальный феномен с выраженными институциональными, управленческими и социокультурными характеристиками (Мерсиянова, Якобсон, 2009; Холина, 2011; Певная, 2016). Исследователи подчеркивают связь волонтерства с историческими моделями: благотворительной (дореволюционной), государственно-организованной (советской) и демократической (постсоветской) (Хворостьянова, 2017). Современное российское волонтерство развивается на фоне активного участия государства, что способствует его институционализации (Зборовский и др., 2018; Ульянова, 2019). Исследования коллег уральской научной школы показывают, что наибольшая готовность к добровольчеству наблюдается у людей с выраженной альтруистической ориентацией и установкой на социальное действие (активизм) (Певная, Тарасова, 2024).

В познание волонтерства важный вклад внесли (Wilson, Musick, 1997), предложив интегрированную модель, объединяющую три ключевых ресурса активности: человеческий, социальный и культурный капитал. Влияние этих факторов на вовлечение в волонтерство подчеркивалось как в ранних, так и в современных исследованиях (Smith, 1994; Bekkers, 2003; Taniguchi, 2013). В данном случае необходимо уточнить, что волонтерская деятельность представляет собой не только форму продуктивной работы, но и разновидность коллективного действия, этически ориентированного и социально регулируемого. В такой постановке важным ресурсом выступает социальный капитал.

Социальный капитал в концепции Р. Патнэма включает сети, нормы и социальное доверие (Putnam, 1995). По определению П. Бурдьё, социальный капитал может способствовать координации и сотрудничеству для получения взаимной выгоды и таким образом способствовать коллективным действиям (Bourdieu, 1986). Позднее исследования подтвердили положительное влияние социального капитала на волонтерскую деятельность через гражданские сети и обобщенное доверие (Forbes, Zampelli, 2014; Wang, Graddy, 2008).

Одним из наиболее устойчивых онтологических наблюдений является положительное влияние широты социальных сетей на склонность к формальному и неформальному волонтерству. Более крупные сети способствуют вовлеченности, поскольку увеличивают доступ к информации о волонтерских возможностях (Musick, Wilson, 2008). Эти же механизмы распространяются на благотворительность: люди с широкой социальной вовлеченностью чаще откликаются на просьбы о помощи и включаются в практики жертвования (Schervish, Havens, 1997). Широкие социальные связи не только информируют, но и формируют нормы участия, создавая ожидания взаимной поддержки и обязательства.

Наряду с социальными сетями обобщенное доверие рассматривается как важный компонент, формирующий мотивационную базу для социально ориентированного поведения. По определению (Gambetta, 1988; Hardin, 2002), доверие выступает фундаментом для совместных действий и координации усилий, особенно в условиях неопределенности. Оно формирует ожидание, что другие члены общества также будут действовать в интересах общего блага, что повышает вероятность участия в волонтерских инициативах. Высокий уровень обобщенного доверия способствует формированию чувства взаимозависимости и готовности к сотрудничеству (Neilson, Paxton, 2010). Это подтверждается экспериментальными и полевыми исследованиями, где доверие коррелирует с волонтерством (Bekkers, 2012) и с пожертвованиями (Brooks, 2005).

По данным З. Ву и соавторов, институциональное доверие оказывает значительное влияние на участие в добровольчестве и пожертво-

ваниях, особенно в политически централизованных системах, таких как Китай (Wu et al., 2018). Китайские исследователи полемизируют Р. Беккерсом, согласно позиции которого поведенческие различия в благотворительности в большей степени связаны с индивидуальными характеристиками доноров, нежели макро-социальными или региональными условиями (Bekkers, 2016). Более того, исследование (Wu et al., 2018) показало, что высокое доверие к знакомым, вопреки ожиданиям, негативно связано с пожертвованиями, хотя и не оказывает значимого влияния на волонтерскую активность. Это может свидетельствовать о том, что ориентация исключительно на ближний круг снижает значимость обобщенных норм социальной ответственности и участия в более широком общественном контексте. Волонтерство может способствовать расширению горизонтальных и вертикальных социальных связей и росту социального капитала на индивидуальном и коллективном уровнях (Телепаева и др., 2018; Сухарькова, 2021; Ярская-Смирнова и др., 2024).

Методология и данные

Исследование включало два массива эмпирических данных. Первый источник — микроданные обследования рабочей силы (ОРС) Росстата за 2016–2024 гг.⁵ Эта крупномасштабная выборка домохозяйств содержит информацию о лицах в возрасте 15 лет и старше по всей России. Например, в 2024 году получены данные о 4366 тыс. чел., занимающихся волонтерством. Для анализа использовались следующие переменные из блока добровольческой активности: выполнение волонтерской деятельности в последний месяц; количество часов, затраченных на нее за последний месяц; частота участия в течение года; вид деятельности; форма участия (индивидуально или через организацию); тип организации, в интересах которой осуществлялась добровольческая деятельность. Дополнительно учитывались социально-демографические характеристики респондентов: пол, возраст, тип поселения (город/село).

⁵ Микроданные выборочного обследования рабочей силы // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 22.05.2025).

Второй источник – база данных «Социокультурный портрет Тюменской области 2023»⁶ (N = 1430) (Агафонова, Ромашкина, 2024). Выборка районированная, репрезентативная по половозрастной структуре, образованию и типу поселения, ошибка выборки по одному признаку не превышает 1,5%. Основной изучаемой (зависимой) переменной выступает участие респондента в волонтерстве неополитического характера в виде бинарного индикатора. Респонденту присваивалось значение один, если он участвовал хотя бы в одном из шести видов волонтерской активности за год, и ноль – в противном случае. В число независимых переменных включены ресурсы социального капитала. Для дальнейших расчетов все шкалы были пересчитаны по шкале от 0 (минимум) до 1 (максимум). Социальный капитал включал доверие и коммуникативный ресурс. Обобщенное доверие измерялось по ответу на вопрос «В целом считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» по десятибалльной шкале. Индекс институционального доверия вычислялся как среднее значение оценок доверия к десяти ключевым общественным и государственным институтам по пятибалльной шкале. Участие в общественных организациях представлено в виде дихотомической переменной: 1, если респондент состоит в какой-либо организации, и 0 – если нет. Коммуникативный ресурс определяется по ответу на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?». Вариант «в семье» соответствует значению 0 (основной ресурс взаимопонимания ограничен семейным кругом). Другие ответы (друзья, соседи, коллеги, единовверцы, люди моей национальности) соответствуют 1, отражая расширение коммуникационного ресурса.

В анализ включена информация Министерства экономического развития РФ, аналитический обзор действующих государственных программ поддержки волонтерской деятельности, в т. ч. реализации федерального проекта «Соци-

альная активность»⁷ (2019–2024 гг.), и институциональных мер, направленных на развитие инфраструктуры добровольчества. Выделялись виды волонтерства, произведена классификация и периодизация видов волонтерской деятельности. При анализе данных использовались методы структурно-динамического анализа, расчет коэффициентов вариации, факторный анализ, кластеризация методом k-средних, сравнение средних по критерию F Фишера, t-критерия Стьюдента, а также критерий Пирсона χ^2 (хи-квадрат). Анализ данных осуществлялся в IBM SPSS Statistics 26, Python Data Analysis Library.

Динамика волонтерской активности в России (2016–2024 гг.)

На *рисунке 1* показана динамика вовлеченности населения в волонтерскую деятельность за 2016–2024 гг., экстраполированная по данным всероссийских выборочных исследований рабочей силы.

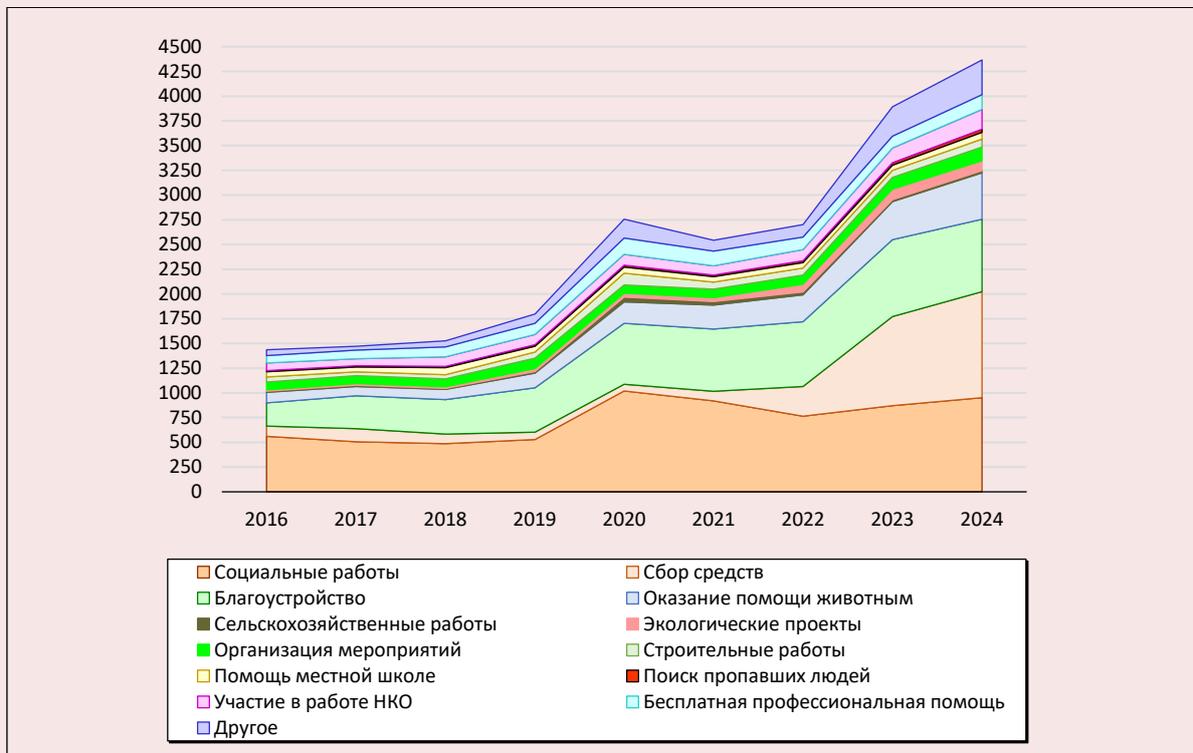
За восемь лет произошло качественное изменение структуры волонтерства. Социальные работы (помощь социально уязвимым группам) с первого места спустились на второе место рейтинга волонтерской активности, в 2024 году охватив около 1% населения. Пережив всплеск в период пандемии, этот вид деятельности вернулся на «допандемийный» тренд устойчивого роста.

Наиболее распространенный вид деятельности в 2024 году – это сбор средств на благотворительность или социальные проекты (фандрайзинг). В нем приняли участие около 1% населения РФ, наиболее часто граждане поддерживали государственные или муниципальные социальные проекты (25% от числа волонтеров). В 2016 году лишь порядка 7% волонтеров упоминали участие в фандрайзинге. За восемь лет их количество выросло в 10 раз. Именно здесь в наибольшей степени проявились результаты государственной поддержки и продвижение социально значимых проектов. С 2017 года в России действует Фонд президентских грантов, за всё время работы профинансировавший 32 115 проектов на общую сумму

⁶ База данных опроса «Социокультурный портрет регионов России – 2023». Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623834, 30.08.2024. Заявка № 2024623498 от 15.08.2024.

⁷ Социальная активность» в рамках нацпроекта «Образование»: федеральный проект // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/project/social-activity> (дата обращения 22.05.2025).

Рис. 1. Динамика волонтерской активности в России (2016–2024 гг.), численность волонтеров по видам деятельности, тыс. чел.



Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 22.05.2025).

свыше 71 млрд рублей. Параллельно развиваются региональные грантовые программы и субсидирование на уровне местных властей.

Сегодня основными источниками доходов НКО являются частные пожертвования (38%), субсидии и гранты региональных органов власти (37%), гранты Фонда президентских грантов (37%)⁸. Отдельно стоит отметить социальный налоговый вычет для благотворителей, действующий с 2000 года: физическим лицам предоставляется вычет по НДФЛ на сумму пожертвований в НКО. В России активно развиваются эндаументы (фонды целевого капитала): по данным на конец 2023 года зарегистрировано более 300 таких структур, преимущественно при образовательных и социальных

⁸ Фандрайзинг в 2024 году: что изменится в практике сбора пожертвований? // Агентство социальной информации. URL: <https://asi.org.ru/2024/02/26/fandrajzing-v-2024-godu-chto-menyetsya-v-praktike-sbora-chastnyh-pozhertvovaniy> (дата обращения 22.06.2025).

организациях⁹. С 2023 года действует Институт развития фандрайзинга при Агентстве социальной информации, который предлагает комплексные программы подготовки специалистов по привлечению средств, что способствует дальнейшей профессионализации сектора. Все эти меры совместно создали благоприятные условия, чтобы волонтерский фандрайзинг превратился из редкой практики в один из ключевых инструментов гражданской активности. Кроме того, появление онлайн-платформ, краудфандинга, благотворительных марафонов в соцсетях, формирование новых методов совершения транзакций (перечисление кешбэка, баллов, округление суммы, процентов в пользу организации, QR-код) значительно упростили сбор средств.

⁹ Фонды целевого капитала образовательных организаций высшего образования // Минобрнауки России. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/about/deps/dep/funds> (дата обращения 22.06.2025)

Нельзя исключать и изменение целей сбора средств. Начиная с 2022 года появились различные виды помощи, связанные напрямую или косвенно со специальной военной операцией (СВО), такие как адресная помощь российским военнослужащим, добровольцам, участвующим в СВО, и членам их семей, помощь пострадавшим и беженцам¹⁰.

Благоустройство территорий (субботники, городские проекты по улучшению среды) в первую очередь осуществляется через муниципальные органы управления, охват этого направления увеличился в три раза. Такой вид самостоятельного волонтерства, как помощь животным (работа в приютах, зоозащитные акции), вырос в объёме в четыре раза, находясь на третьем месте в рейтинге 2024 года (см. рис. 1).

В целом динамика 2016–2024 гг. показывает переход от трудоёмких, офлайн-ориентированных форм волонтерства к более гибким, опосредованным и цифровым форматам. Место традиционных видов, требующих физического участия и длительной отдачи (социальная и тем более физически тяжёлая работа), снижается в рейтинге участия. На первый план выходят направления, позволяющие широкому кругу людей участвовать с меньшим порогом входа:

перечисление средств, онлайн-активность или эмоционально привлекательные акции. Это соответствует общемировым изменениям в природе добровольчества — отмечается рост эпизодического волонтерства и микротрудоучастия через интернет. Пандемия COVID-19 ускорила эти процессы, сделав дистанционную помощь и виртуальные площадки общей реальностью. Такой сдвиг порождает дискуссию о качестве и устойчивости волонтерской деятельности. С одной стороны, вовлечение множества людей хотя бы в краткосрочные акции позитивно, поскольку расширяет базу добровольцев и общую культуру благотворительности. С другой стороны, огромное внимание к волонтерской деятельности со стороны государства вытесняет НКО, деятельность которых требует регулярности и высокой квалификации.

В итоге численность волонтеров увеличилась практически в три раза, с 1,435 млн до 4,366 млн человек. Этот рост произошел на фоне сокращения численности населения России, кризисных явлений, как внешних, так и внутренних (рис. 2).

Динамика волонтерской активности может быть разделена на три периода. В первый период, с 2016 по 2019 год, наблюдался стабильный умеренный рост при среднем годовом темпе при-

Рис. 2. Динамика численности волонтеров и населения России в 2016–2024 гг.*



* Левая ось (столбцы) – численность волонтеров; правая ось (линия) – общая численность населения России. Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

¹⁰ Помощь недоверчивых. Россияне реже жертвуют благотворительным организациям и чаще – участникам СВО // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6185069> (дата обращения 22.06.2025).

мерно 8%. Во втором периоде, 2020–2021 гг., произошел скачок численности волонтеров на 53% из-за кризиса с дальнейшей стабилизацией. Третий период, с 2022 по 2024 год, обеспечил высокий темп прироста с последующей стабилизацией на новом уровне (+44% в 2023, +12% в 2024 году).

Эти данные отличаются от сведений в отчетности государственных информационных ресурсов, которые мы привели выше. Скорее всего, большие цифры Минпросвещения отражают использование информационных ресурсов, в первую очередь государственных образовательных организаций, а не собственно волонтерскую активность, поэтому они завышены. Тем не менее наличие значительной положительной динамики волонтерства в России отмечают практически все исследования, что подтверждается не только данными Росстата, но и нашими региональными данными.

Анализ нагрузки по видам волонтерской деятельности показывает, что наибольшее количество человеко-часов затрачено на социальные работы (6596 тыс. часов), а также на сбор средств (3760) и благоустройство территорий (2343). По средней нагрузке на одного волонтера лидируют мало распространенные, но трудоёмкие виды,

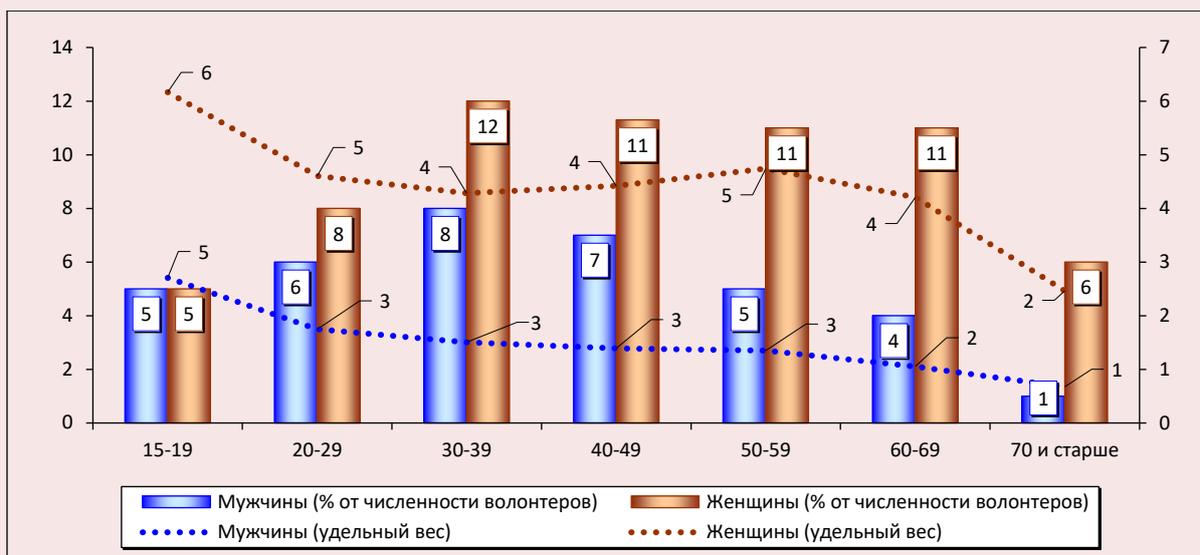
такие как поиск пропавших людей (10,6 часа в неделю) и участие в работе НКО (9,9 часа в неделю).

Отметим основные эффекты, важные для дальнейшего анализа. Во-первых, наблюдается обратная корреляция между численностью населения и волонтерской активностью, подтверждая существенный рост доли волонтерского участия. Во-вторых, пандемия COVID-19 стала катализатором гражданской мобилизации и привела к формированию устойчивых моделей добровольческой активности, требующих дальнейшего изучения в контексте демографических изменений. Третий эффект имеет институциональную природу и объясняется усилением государственной поддержки волонтерства, особенно в кризисные периоды, а также развитием инфраструктуры добровольческих организаций.

Социальные ресурсы волонтерской активности

Анализ демографической структуры волонтерской активности показал значительный гендерный и возрастной перекося (рис. 3). Значимые различия подтверждаются статистическими тестами ($\chi^2 = 119,2$; $p < 0,001$). Женщины не только чаще вовлекаются в добровольческую деятельность, но и обеспечивают большую продолжительность участия.

Рис. 3. Структура волонтерской активности за 2024 г.*



* Левая ось (столбцы) — % от общей численности волонтеров; правая ось (линии) — удельный вес волонтеров от общей численности опрошенных, %.

Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

Доля волонтеров в России, по данным обследования 2024 года, среди женщин составляет 4,2%, среди мужчин – 2,9%. Гендерный дисбаланс в динамике нарастает. Международные сравнения показывают, что Россия относится к странам с так называемым «обратным гендерным разрывом» в сфере добровольчества, когда женщины тратят на волонтерскую работу значительно больше времени, чем мужчины. Например, по данным World Value Survey, в России женщины совокупно отработывают примерно на 14% больше добровольческих часов, чем мужчины, тогда как в более гендерно-равноправных обществах эта разница составляет 0–3%¹¹. В 2024 году женщины в России выполнили около 72% всех совокупных человеко-часов волонтерского труда, тогда как мужчины 28%. В среднем женщина отдаёт волонтерству 8,3 часа в месяц, что существенно больше, чем мужчина (6,5 часа в месяц). Причины гендерного разрыва объяснялись российскими социологами через традиционные гендерные роли, ценностные различия, большую ориентацию женщин на социальную помощь и уход за уязвимыми группами, организационные асимметрии (Ермилова, Исакова, 2021).

Распределение форм волонтерской активности по возрастным когортам отражает как жизненный цикл индивида, так и социокультурные особенности возрастных групп. Молодёжные когорты (15–29 лет) преимущественно вовлечены в события краткосрочного, проектного и инициативного характера. Волонтеры в возрасте 20–29 лет чаще участвуют в организации мероприятий и экологических проектах, также возрастает их вовлечённость в более трудоёмкие виды деятельности. Когорта 30–39 лет в наибольшей степени вовлечена практически во все виды волонтерства. Вероятно, пик вовлечённости связан с устойчивым положением на рынке труда, накопленным социальным капиталом, появлением семьи, определяющими более высокий уровень ответственности и мотивации к системному вкладу в общественно значимую деятельность. Представители поколения от 40 до 59 лет относительно равномерно участвуют в волонтерстве с ориентацией на

социальную помощь, но активность снижается. Обращает на себя внимание относительная стабильность участия в работе НКО (13–18%) в течение всей жизни. В целом возрастная структура волонтерства демонстрирует закономерный переход от событийных и активистских форм в молодости к институционализированным и устойчивым практикам в зрелом возрасте, с последующим смещением в сторону индивидуализированных и менее интенсивных форм участия у пожилых.

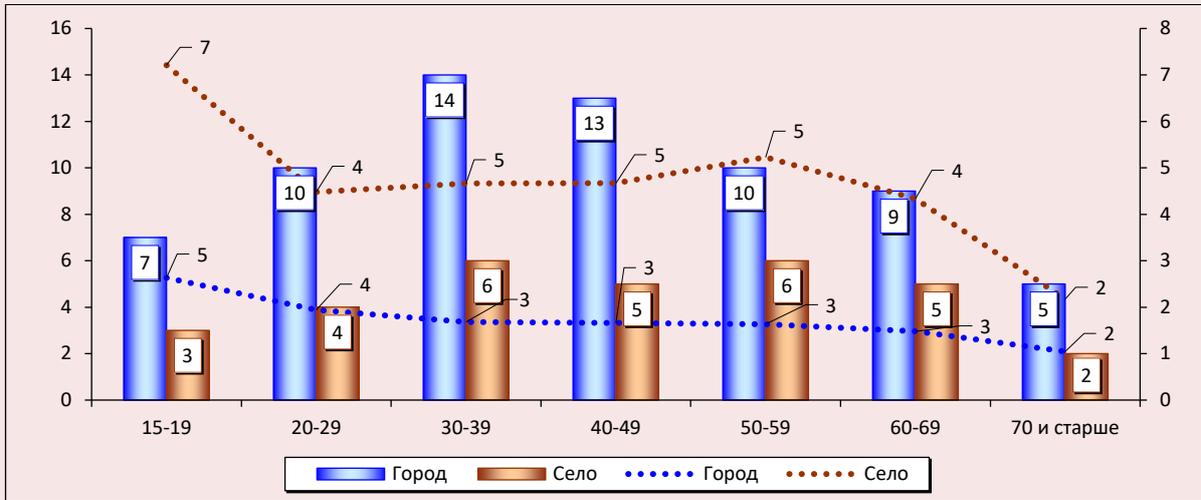
По итогам микронаблюдений Росстата мы делаем вывод о различиях волонтерского участия у жителей городских и сельских территорий (рис. 4). В городах живет больше волонтеров, чем в селах. Однако пересчет по общей численности населения показал, что доля волонтеров среди сельского населения выше, чем среди городского (3,3% против 4,5). Особенно значителен поселенческий разрыв в группе молодежи до 20 лет и предпенсионных возрастах 50–69 лет. При закреплении трех признаков: возраст, гендер и тип поселения – выделяется значительное превышение доли волонтеров среди женщин предпенсионного или раннепенсионного возраста, проживающих в сельской местности, над средним распределением рабочей силы (см. линии на рис. 4). Этот вывод отличается от привычного мнения, что в городах волонтерство более развито, чем в сёлах, поскольку там более развита инфраструктура (Холина, 2011; Хворостьянова, 2017; Ермилова, Исакова, 2021).

Индивидуальная нагрузка волонтеров не зависит от типа поселения, в среднем городской волонтер тратит около 7,7 часа в месяц, сельский – 7,6 часа. Вероятно, когда человек уже вовлечён в волонтерскую деятельность, его личный вклад по времени не зависит от места проживания. В целом структура волонтерской активности не определяется ролью человека на рынке труда, но сохраняется гендерный перекос. Мужчины чаще совмещают общественную деятельность с основной работой. Среди женщин-добровольцев более заметную часть составляют неработающие женщины (например, пенсионерки или временно не работающие в связи с уходом за членами семьи).

Рассмотрим структуру волонтерского участия в интересах конкретных экономических единиц: формальных (государственные, муниципальные, частные, некоммерческие)

¹¹ World Values Survey Association. World Values Survey Database. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения 22.05.2025).

Рис. 4. Поселенческая структура волонтерского участия за 2024 год*



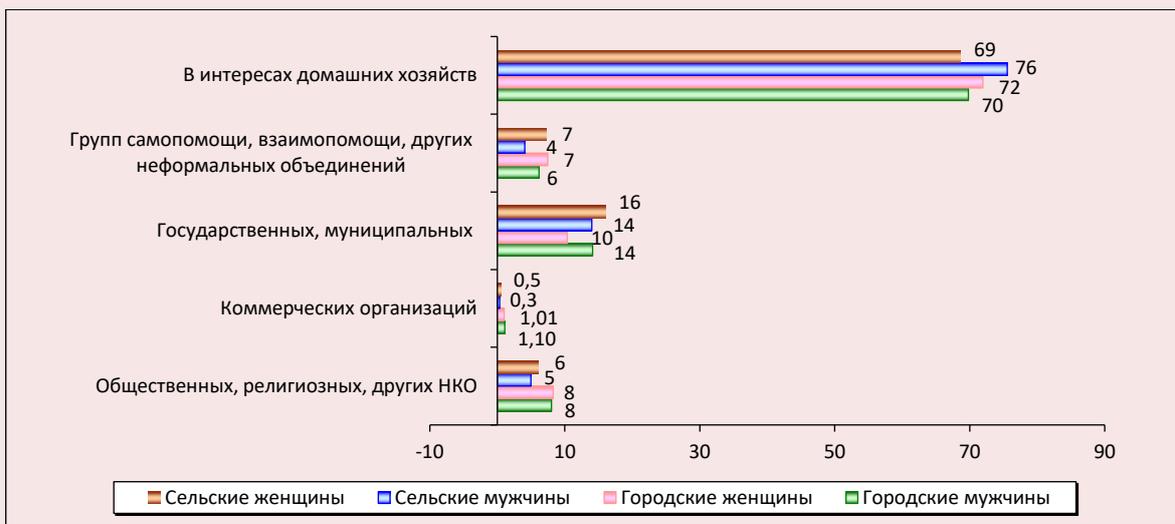
* Левая ось (столбцы) – % от численности волонтеров, правая ось (линии) – удельный вес волонтеров от общей численности опрошенных, %.

Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

ципальные, коммерческие, общественные организации) и горизонтальных (домашние хозяйства, группы взаимопомощи, *рис. 5*). Формальные организации ориентированы на масштабные, коллективные акции, они занимают наибольшее время участия, но по совокупной

доле вовлеченности людей их доля не достигает 20%. Неформальные организации реализуют личные, эмоционально мотивированные инициативы, которые охватывают около 80% от численности гендерно-поселенческих социальных групп волонтеров.

Рис. 5. Структура участия в волонтерской деятельности в интересах экономических единиц в 2024 г., % от участия по категориям гендер и тип поселения



Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

Модели волонтерства: кластерный анализ вовлеченности

Чтобы выявить структуру волонтерства, мы применили кластерный анализ к данным об интенсивности участия в различных видах добровольчества. В анализ включены сведения об участии населения в 13 видах волонтерства по четырём категориям: «еженедельно», «ежемесячно», «несколько раз в год / время от времени» и «один раз в год» (рис. 6).

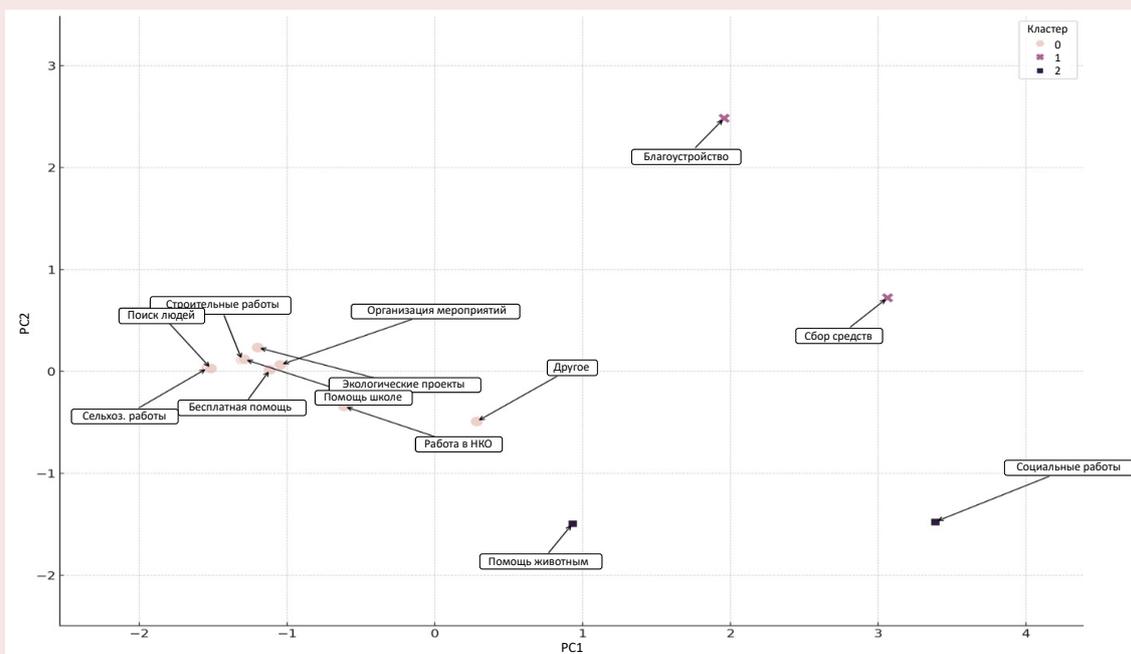
Каждый вид деятельности был представлен в виде четырёхмерного вектора, отражающего количественные параметры вовлеченности. Для обеспечения сопоставимости переменных все значения стандартизированы методом Z-преобразования, что позволило исключить влияние различий в масштабах измерений. В качестве метода кластеризации выбран алгоритм k-средних (K-Means). Эмпирически обоснованным оказалось разбиение на три кластера, обеспечивающее интерпретируемую структуру данных. Оценка качества кластеризации выполнена с использованием силуэтнокоэффициента, который составил 0,59, что свидетельствует о достаточно чётком разделении групп.

Для целей интерпретации использовано снижение размерности методом главных компонент (РСА). Первые две компоненты объяснили основную часть дисперсии и позволили наглядно представить расположение кластеров в двухмерном пространстве. Каждая точка на диаграмме — это отдельный вид деятельности, окрашенный в цвет соответствующего кластера (см. рис. 6).

В результате были выделены три модели вовлеченности.

Кластер 0: эпизодическая вовлеченность. Сюда вошли виды деятельности с низкой регулярностью. Участие осуществляется преимущественно «несколько раз в год» либо эпизодически. Включает такие виды, как экологические проекты, строительные работы, сельскохозяйственные работы, организация мероприятий, помощь школе, поиск людей, участие в НКО, бесплатная профессиональная помощь (медицинская помощь, юридическая консультация, проведение неоплачиваемого занятия, тренировки, консультирование) и другое. Характеризуется ситуативностью и слабой привязкой к постоянному расписанию. Отдельного пояснения требует «участие в работе НКО»,

Рис. 6. Кластеризация волонтерской активности, 2024 г.



Рассчитано по: первичные микроданные обследования рабочей силы Росстата за 2024 год.

где большинство респондентов указали, что участвуют не регулярно, а скорее как волонтеры на отдельных проектах, мероприятиях или акциях. Это отражает не институциональную суть НКО, а поведение опрошенных — они сотрудничают с НКО от случая к случаю, а не на постоянной основе.

Кластер 1: массовая краткосрочная вовлечённость. Этот кластер объединяет работы с участием большого числа добровольцев в ограниченные периоды. Примеры — благоустройство территорий, сбор средств. Ориентированы на широкий охват, часто проводятся как акции, субботники, кампании.

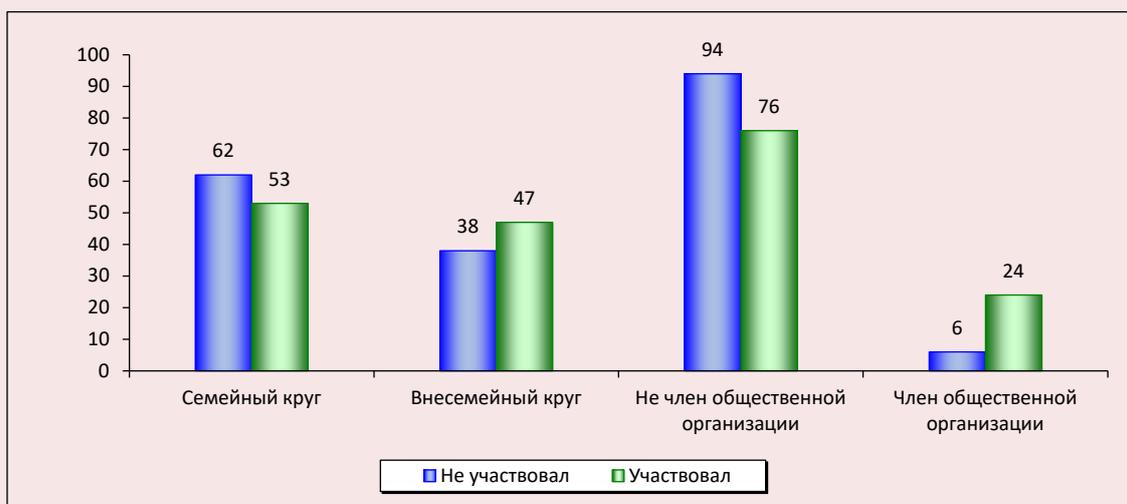
Кластер 2: регулярная (системная) вовлечённость. Представлены виды работ с высоким уровнем еженедельной и ежемесячной активности, например социальные работы и помощь животным. Такие формы требуют постоянной включённости и долгосрочной мотивации со стороны участников. Наши результаты свидетельствуют о наличии устойчивых моделей участия в зависимости от типа деятельности.

Социальный капитал как ресурс волонтерства

Такие характеристики, как возраст, пол, оказывают влияние на волонтерскую деятельность не напрямую, а опосредованно, через объем доступного капитала (Wilson, 2000). Для того чтобы оценить влияние социального капитала на участие в различных видах волон-

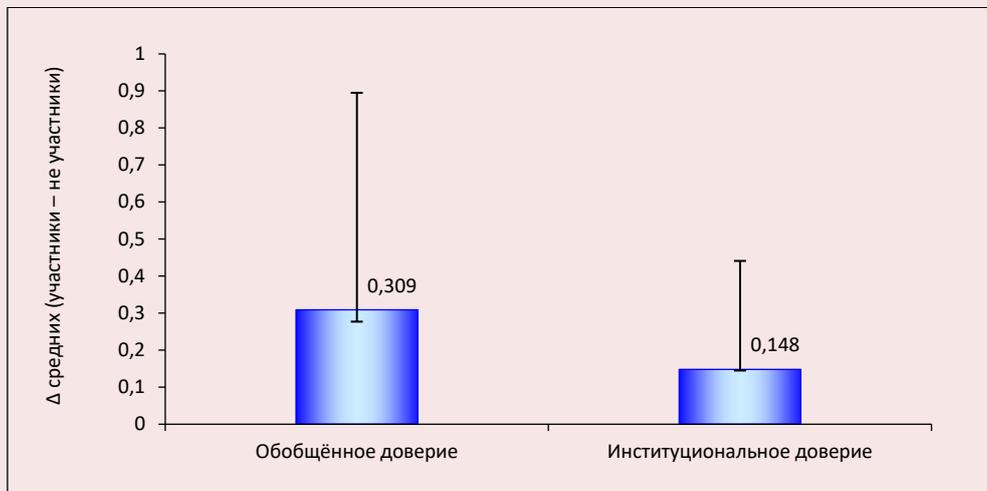
терской активности, мы выделили две группы респондентов, участвовавших или не участвующих в ней. По результатам регионального исследования в 2023 году, в волонтерской деятельности в течение прошлого года приняли участие 655 респондентов, что составляет 45,8% от общего числа опрошенных. Эти данные демонстрируют высокий уровень участия, но, в отличие от ОРС, нет расшифровки частоты и форм участия, поэтому непосредственно численность и виды волонтерства здесь сравнивать нельзя. Однако более широкий инструментарий позволяет изучить социальные ресурсы. Далее были построены перекрестные таблицы и оценены различия в средних по степени активности по критериям χ^2 , Стьюдента и Фишера. Первые две группы на рисунке 6 отражают ответы на вопрос «В каком кругу Вы находите наибольшее взаимопонимание?»: в семье (семейный круг), все остальные варианты (вне семейный круг). Можно рассмотреть эти два варианта как прокси-оценки коммуникативного ресурса. Приоритетность коммуникаций вне семейного круга повышает вероятность участия в волонтерстве на 9% ($\chi^2 = 10,5$; $p = 0,001$). Участие респондентов в общественных организациях раскрывает организационный ресурс. Наличие организационного ресурса общественной активности в четыре раза повышает вероятность волонтерской активности ($\chi^2 = 86,3$; $p < 0,001$; рис. 7).

Рис. 7. Социальные ресурсы волонтерской активности, % от соответствующей группы по столбцу



Рассчитано по: данные авторского социологического исследования.

Рис. 8. Разница средних значений доверия (с 95%-ми доверительными интервалами) между участниками и не участниками волонтерских мероприятий



Рассчитано по: данные авторского социологического исследования.

Участие в волонтерстве ассоциировано с более высоким уровнем доверия. После учета социально-демографических факторов (возраста, уровня образования и типа населённого пункта) нормированные различия в средних значениях индексов обобщенного доверия составляет 0,309 ($p = 0,029$), а институционального 0,148 ($p = 0,045$). Разница невелика, но статистически значима. Вывод согласуется с концепцией социального капитала: вовлечённость в коллективную деятельность способствует укреплению доверия к другим людям и расширяется коммуникативными ресурсами. Наиболее выраженное влияние на институциональное доверие оказывает уровень образования ($p < 0,001$), что подчёркивает важность образовательных различий при интерпретации доверия к институтам (рис. 8).

Основные выводы и заключение

В ходе исследования выявлено, что за 2016–2024 гг. численность волонтеров в России возросла более чем в три раза, несмотря на снижение общей численности населения. Наибольший рост наблюдался в период пандемии COVID-19 (+53% в 2020 году) и далее продолжался после 2022 года, что подчеркивает роль кризисов как катализаторов гражданской мобилизации. Однако этот рост не достигает значительных объёмов инициативного, личного

участия в добровольческой деятельности. Основные виды волонтерства – фандрайзинг, социальная помощь и помощь животным. Тем не менее, по данным мониторинга Росстата, в целом в этих видах деятельности участвует не более 3% населения, а структура отражает противоречия и барьеры вовлеченности. Региональное исследование показывает более широкий охват волонтерства. Все данные подтверждают рост волонтерского участия в России, подкрепляемый ресурсами социального капитала.

Произошел переход от традиционных, трудоемких форм (офлайн-помощь) к цифровым и эпизодическим: фандрайзинг (вырос в 10 раз), другие онлайн-активности. Пандемия ускорила развитие дистанционных форматов, сделав их частью повседневной практики.

Были выделены внешние и внутренние ресурсы волонтерства. Внешние ресурсы, такие как государственная поддержка, участие в работе НКО и волонтерских центров, доступ к информационным ресурсам, вхождение в организационные структуры поддержки, членство в организациях, таких как профсоюзы, оказали наиболее сильное влияние на рост волонтерской активности за последние 8 лет. Внутренние (личностные) ресурсы определяют социальный капитал индивидуума. Например,

обобщенное доверие и институциональное доверие являются внутренними ресурсами, а пол, возраст способствуют накоплению и проявлению этих ресурсов. В целом влияние внутренних ресурсов оказалось значимо снижено по сравнению с внешними. Институциональные и инфраструктурные лакуны определяют структурные перекосы в волонтерской активности.

В российском волонтерском движении наблюдаются гендерный и межпоколенческие перекосы. Женщины и люди среднего возраста составляют основу волонтерского движения. Городские жители чаще участвуют в институционализированных формах волонтерства, а сельские — в локальных инициативах. По доле участия жители сельских территорий относительно чаще участвуют в волонтерстве, чем горожане.

В результате трансформации волонтерского движения сформировались три основные модели участия. Первая модель — это эпизодическая или нерегулярная (экологические проекты, помощь НКО). Вторая — массовая краткосрочная (субботники, сбор средств). Третья проявляется как регулярная и системная (социальная помощь, помощь животным).

Волонтерство в интересах формальных экономических единиц (государственные, муниципальные, коммерческие, общественные организации) занимает наибольшее время участия, но по совокупной доле вовлеченности людей их доля не достигает 20%. Доминирование помощи в интересах домашних хозяйств подчёркивает потребность общества в развитии

механизмов поддержки личного, повседневного волонтерства, не требующего формального статуса или институционального признания. Исчезающе малое участие коммерческих организаций (<1%) может рассматриваться как потенциал развития корпоративного волонтерства.

Сформулируем некоторые рекомендации по итогам нашего анализа. Необходимо развивать гибкие форматы участия, включая цифровые платформы для вовлечения граждан в общественную деятельность. Кроме того, при разработке программ поддержки волонтерства полезно учитывать возрастные и гендерные особенности. Потенциал включает корпоративные программы, основанные на профессиональных навыках (врачи, учителя, просветительские программы, гражданская наука) (Romashkina et al., 2024).

Данное исследование открывает новые вопросы, такие как мотивация мужчин к участию в волонтерстве, оценка эффективности различных форм вовлечения, которые требуют дальнейшего рассмотрения. Ограничения исследования включают неполную репрезентативность данных, преобладание государственных источников. Наблюдаются противоречия между официальной статистикой и результатами исследований. Волонтерство в России демонстрирует устойчивый рост и трансформацию, но остается неравномерным по демографическим и территориальным признакам. Развитие социального капитала и адаптация институтов поддержки могут усилить его потенциал.

Литература

- Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. (2024). Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере населения Тюменской области) // Социологические исследования. № 8. С. 146–154. DOI: 10.31857/S0132162524080122
- Ермилова А.В., Исакова И.А. (2021) Гендерно-территориальные и возрастные особенности реализации волонтерской деятельности: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (61). С. 90–96. DOI: 10.52452/18115942_2021_1_90
- Зборовский Г.Е., Певная М.В., Ведерников А.А. (2018). Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 4. С. 48–57. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.1
- Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. (2009). Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. 201 с.
- Певная М.В. (2016). Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. № 12. С. 69–77. URL: <https://www.socis.isras.ru/article/6476> (дата обращения 21.05.2025).

- Певная М.В., Тарасова А.Н. (2024). Предрасположенность молодежи к волонтерству: опыт построения типологии (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. № 10. С. 55–68. DOI: 10.31857/S0132162524100057
- Сухарькова М.П. (2021). Социальный, человеческий и политический капитал олимпийских волонтеров // Социальная компетентность. Т. 6. № 3 (21). С. 362–372. URL: <http://sociacom.ru/journals/2021-6/n3/a10> (дата обращения 19.05.2025).
- Телепаева Д.Ф., Певная М.В., Кузьминчук А.А. (2018). Социальный капитал спортивных волонтеров крупного российского региона // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 3. С. 108–120. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-9>
- Ульянова Е.В. (2019). Особенности институционализации волонтерского движения в современном российском обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 24. № 178. С. 85–92. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-178-85-92
- Хворостьянова Н.И. (2017). Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. Т. 23. № 2. С. 136–152. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5162>
- Холина О.И. (2011). Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 71–73.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н., Кононенко Р.В. (2024). Виды капиталов в поле «серебряного волонтерства» // Социологические исследования. № 3. С. 71–82. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524030067>
- Bekkers R. (2003). Trust, accreditation, and philanthropy in the Netherlands. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 32(4), 96–615. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764003258102>
- Bekkers R. (2012). Trust and volunteering: Selection or causation? Evidence from a 4-year panel study. *Political Behavior*, 34(2), 225–247. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11109-011-9165-x>
- Bekkers R. (2016). Regional differences in philanthropy. In: Jung T., Phillips S.D., Harrow J. (Eds). *The Routledge Companion to Philanthropy*. London: Routledge.
- Bourdieu P. (1986). The forms of capital. In: Richardson J.G. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press.
- Brooks A.C. (2005). Does social capital make you generous? *Social Science Quarterly*, 86(1), 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0038-4941.2005.00287.x>
- Снаан Р.А., Хэнди Ф., Уадсворт М. (1996). Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 25(3), 364–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764096253006>
- Forbes K.F., Zampelli E.M. (2014). Volunteerism: The influences of social, religious, and human capital. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 43(2), 227–253. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764012452670>
- Gambetta D. (Ed.). (1988). *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Basil Blackwell.
- Hardin R. (2002). *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation.
- Hustinx L., Lammertyn F. (2003). Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 14, 167–187. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023948027200>
- Mowen J.C., Sujun H. (2005). Volunteer behavior: A hierarchical model approach for investigating its trait and functional motive antecedents. *Journal of Consumer Psychology*, 15(2), 170–182. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327663jcp1502_9
- Musick M.A., Wilson J. (2008). *Volunteers: A Social Profile*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Neilson L.A., Paxton P. (2010). Social capital and political consumerism: A multilevel analysis. *Social Problems*, 57(1), 5–24. DOI: <https://doi.org/10.1525/sp.2010.57.1.5>
- Penner L.A. (2004). Volunteerism and social problems: Making things better or worse? *Journal of Social Issues*, 60, 645–666. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0022-4537.2004.00377.x>
- Putnam R.D. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 6(1), 65–78. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1995.0002>
- Romashkina G.F., Andrianova E.V., Khudyakova M.V. (2024). Youth participation in citizen science: Problems and opportunities of engagement in Russian context. *Changing Societies & Personalities*, 8(1), 108–127. DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.266

- Salamon M.L., Sokolowski S.W., Haddock M.A. (2011). Measuring the economic value of volunteer work globally: Concepts, estimates and a roadmap to the future. *Annals of Public and Cooperative Economics*, 82(3), 217–252. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8292.2011.00437.x>
- Schervish P.G., Havens J.J. (1997). Social participation and charitable giving: A multivariate analysis. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 8(3), 235–260. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02354199>
- Smith D.H. (1994). Determinants of voluntary association participation and volunteering: A literature review. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 23(3), 243–263. DOI: <https://doi.org/10.1177/089976409402300305>
- Snyder M., Omoto A.M. (2008). Volunteerism: Social issues perspectives and social policy implications. *Social Issues and Policy Review*, 2(1), 1–36. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2008.00009.x>
- Taniguchi H. (2013). The influence of generalized trust on volunteering in Japan. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 42(1), 127–147. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764011434554>
- Wang L., Graddy E. (2008). Social capital, volunteering, and charitable giving. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 19(1), 23–42. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-008-9055-y>
- Wilson J. (2000). Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 26, 215–240. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.215>
- Wilson J., Musick M. (1997). Who cares? Toward an integrated theory of volunteer work. *American Sociological Review*, 62(5), 694–713. DOI: <https://doi.org/10.2307/2657355>
- Wu Z., Zhao R., Zhang X. (2018). The impact of social capital on volunteering and giving: Evidence from urban China. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 47(6), pp.1201–1222. DOI: <https://doi.org/10.1177/0899764018784761>

Сведения об авторах

Дарья Юрьевна Агафонова – аспирант, ассистент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru)

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Agafonova D.Yu., Romashkina G.F.

Volunteering at the Modern Stage of Its Development in Russia: Dynamics and Resources of Social Capital

Abstract. The paper analyzes the dynamics and resources of volunteering in Russia for 2016–2024. The relevance of the study is due to the growing interest in volunteering, especially during the COVID-19 pandemic, as well as active government support, including the federal project “Social Activity”. The main aim of the work is to study the involvement of citizens in volunteering and identify key resources for its development, taking into account demographic and social changes. Scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of volunteering through the prism of a resource-based approach, including social capital. The transformation of forms of volunteering from traditional to digital and occasional is shown, which distinguishes the work from previous studies. Special attention is paid to gender and territorial imbalances. The methodology includes an analysis of the results of a Rosstat labor force survey (2016–2024) and a sociological study in the Tyumen Region (N=1,430). The methods of structural and dynamic analysis, clustering, as well as statistical criteria (χ^2 , Student’s t-test) are applied. The number of volunteers in Russia has tripled, despite its population decline. Such activities as fundraising, social assistance and animal welfare prevail, but their coverage does not exceed 3% of the population. A gender bias has been identified: women make up 72% of volunteers and spend more time volunteering. Engaging in volunteering depends to a great extent on social capital (trust, membership in organizations). The

limitations of the study are related to incomplete representativeness of the data and predominance of government sources. Prospects for further research include studying the motivation of men, the effectiveness of digital volunteering formats, and development of programs for young people and retirees.

Key words: volunteering, social capital, dynamics, resources, gender imbalance.

Information about the Authors

Darya Yu. Agafonova – postgraduate student at the Department of General and Economic Sociology, assistant, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: d.y.agafonova@utmn.ru)

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, professor at the Department of Information Security, System Analysis and Control, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru)

Статья поступила 26.05.2025.